

XVIII

a m ž i a u s
studijos

3

LIETUVOS

Didžioji Kunigaikštystė

Iššūkiai. Laimėjimai. Netektys

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

XVIII
a m ž i a u s
studijos

3

LIETUVOS
Didžioji Kunigaikštystė
Iššūkiai. Laimėjimai. Netektys

Sudarytoja
RAMUNĖ ŠMIGELSKYTĖ-STUKIENĖ

Lietuvos istorijos
institutas

Vilnius
2016

Redakcinė kolegija

Dr. Lina BALAIŠYTĖ

Lietuvos kultūros tyrimų institutas

Prof. dr. Richard BUTTERWICK-PAWLIKOWSKI

Europos koledžas Natoline (Lenkija), Londono universiteto koledžas

Dr. Liudas GLEMŽA

Vytauto Didžiojo universitetas

Doc. dr. Robertas JURGAITIS

Lietuvos edukologijos universitetas

Dr. Andrejus MACUKAS

Baltarusijos mokslų akademijos Baltarusijos istorijos institutas

Dr. Gintautas SLIESORIŪNAS

Lietuvos istorijos institutas

Dr. Adam STANKEVIČ (sekretorius)

Lietuvos istorijos institutas

Doc. dr. Ramunė ŠMIGELSKYTĖ-STUKIENĖ (pirmininkė)

Lietuvos istorijos institutas

Dr. Asta VAŠKELIENĖ

Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas

Prof. habil. dr. Andrzej B. ZAKRZEWSKI

Varšuvos universitetas

Recenzentai

Prof. habil. dr. Janina KAMIŃSKA

Varšuvos universitetas

Dr. Olga MASTIANICA

Lietuvos istorijos institutas

Prof. dr. Valdas RAKUTIS

Generolo Jono Žemaičio Lietuvos karo akademija

Redakcinės kolegijos adresas

Lietuvos istorijos institutas

Kražių g. 5, 01108 Vilnius, Lietuva

El. paštas *smigelskyte.stukiene@gmail.com*

Knygos leidybą pagal „Valstybinę lituanistinių tyrimų ir sklaidos 2016–2024 metų programą“ finansavo Lietuvos mokslo taryba (sutarties Nr. LIP-052/2016).

© Sudarymas, Ramunė Šmigelskytė-Stukienė, 2016

© Straipsnių autoriai, 2016

© Lietuvos istorijos institutas, 2016

ISBN 978-609-8183-16-0

ISSN 2351-6968

TURINYS

Pratarmė / *Ramunė Šmigelskytė-Stukienė* ... 8

Foreword / *Ramunė Šmigelskytė-Stukienė* ... 11

TARP BAJORŲ RESPUBLIKOS IR KONSTITUCINĖS MONARCHIJOS: IŠŠŪKIAI IR NETEKTYS

Андрей Мацук / Andrejus Macukas

Новгородская шляхта во время королевских выборов 1733 г. ... 16

Naugarduko bajorai 1733 m. karaliaus rinkimo laikotarpiu. *Santrauka* ... 31

Richard Butterwick-Pawlikowski

Challenges for the Commonwealth: the Counsel of

Jean-Jacques Rousseau ... 32

Iššūkiai Abiejų Tautų Respublikai: Jeano-Jacques'o Rousseau patarimai. *Santrauka* ... 43

Dalius Viliūnas

Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės nacionalizmo filosofijos pradmenys
XVIII a. pabaigoje ... 44

Origins of Philosophy of Nationalism in the Grand Duchy of Lithuania
at the End of Eighteenth Century. *Summary* ... 84

Viktorija Vaitkevičiūtė

Tėvynės likimas Mauricijaus Pranciškaus Karpio Seimo kalbose ... 86

Destiny of the Homeland in the Parliamentary Addresses of
Maurycy Franciszek Karp. *Summary* ... 107

Lina Balaišytė

Visuomenės permainų ženklai XVIII a. antrosios pusės išskilmėse ... 108

Signs of Transformation of Society in the Late Eighteenth Century
Public Celebrations. *Summary* ... 125

Sławomir Godek

Kilka uwag o roli Michała Kleofasa Ogińskiego w zabiegach
delegacji szlachty litewskiej w Petersburgu w latach 1810–1811 ... 127

Keletas pastabų apie Mykolo Kleopo Ogińskio vaidmenį
Lietuvos bajorų delegacijos veikloje 1810–1811 metais. *Santrauka* ... 151

SOCIOKULTŪRINĖ ERDVĖ: LAIMĖJIMAI IR PRARADIMAI

Asta Vaškeliėnė

XVIII a. antrosios pusės Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės dvikalbė proginė poezija (remiantis Mykolo Korickio kūryba) ... 154

Bilingual Occasional Poetry in the Late Eighteenth Century

Grand Duchy of Lithuania (Based on the Writings of Michael Korycki). *Summary* ... 170

Юрий Гордеев / Jurijus Gordejevas

Коммуникация в городах Великого княжества Литовского в XVIII в. (постановка проблемы) ... 172

Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų komunikacija XVIII a.

(problemos iškėlimas). *Santrauka* ... 192

Martynas Jakulis

Pamestinukų globa XVIII amžiaus Vilniuje ... 193

The Care of Foundlings in Eighteenth-Century Vilnius. *Summary* ... 208

Arnaud Parent

From the Montpellier Faculty of Medicine to the Grodno

Royal School of Medicine: How Dr. Jean-Emmanuel Gilibert

Applied Medical Vitalism to Heal his Lithuanian Patients ... 210

Nuo Monpeljė medicinos fakulteto iki Gardino karališkosios

medicinos mokyklos: kaip dr. Jeanas-Emmanuelis Gilibert'as

pasitelkė vitalizmą savo pacientams gydyti Lietuvoje. *Santrauka* ... 237

Rasa Butvilaitė

Antano Tyzenhauzo Statybos mokykla Gardine ... 238

School of Building Construction in Grodno. *Summary* ... 247

TEISĖS ISTORIJOS LAUKAS

Adam Stankevič

Dokumentų klastojimo atvejai Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Vyriausiojo Tribunolo teismo praktikoje (XVIII a. antrojoje pusėje) ... 250

Cases of Document Falsification in Legal Practice of the Supreme Tribunal of the Grand Duchy of Lithuania (Late Eighteenth Century). *Summary* ... 267

Marcin Głuszak

O recepcji prawa w rezolucjach Rady Nieustającej . . . 268

Apie teisės recepciją Nuolatinės tarybos rezoliucijose. *Santrauka* . . . 281

Domininkas Burba

Valstiečių dalyvavimas smurtiniuose bajorų nusikaltimuose, XVIII amžiaus
Vilniaus pavieto pilies ir žemės teismų knygų duomenimis . . . 282

Data on Participation of Peasants in Violent Crimes of the Nobility
in the Eighteenth Century Registry Books of Vilnius County
Castle and Land Courts. *Summary* . . . 301

Iliustracijų sąrašas . . . 302

Asmenvardžių rodyklė . . . 304

Vietovardžių rodyklė . . . 320

КОММУНИКАЦИЯ В ГОРОДАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVIII В. (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

ЮРИЙ ГОРДЕЕВ

Институт России и Восточной Европы Ягеллонского университета

Аннотация. Данная статья является попыткой рассмотреть некоторые аспекты коммуникационных процессов, характерных для городов Великого княжества Литовского в XVIII в. Одним из важнейших инструментов взаимоотношений горожан являлось языковое общение представителей разных этноязыковых групп. Кроме анализа языковых средств коммуникации в статье представлены формы межсословной и внутрисословной коммуникации. Как значимые интегрирующие элементы городского социума рассматриваются пространственные формы городов. В заключительной части статьи анализируются обусловленные многочисленными городскими контактами этнические стереотипы, связанные с свреями.

Ключевые слова: структуры общества, языковая коммуникация, полилингвизм, город.

Город является объектом пристального внимания представителей различных дисциплин. Историки и археологи, лингвисты и социологи изучают социальные связи и отношения жителей города, культурологи рассматривают город в качестве константы и концепта культуры. По всей вероятности, именно вследствие разноплановой исследовательской оптики при анализе социокультурного феномена города невозможно обойтись без поиска парадигмы междисциплинарного изучения и попыток определения нового методологического инструментария.

Многочисленные работы историков, по сути, сосредотачивают внимание на анализе структуры общества Нового времени, унаследованной от периода средневековья, с присущей последней многоступенчатой иерархичностью, сословной замкнутостью и конфессиональной идентификацией личности. Следует отметить, что статичный образ городского социума зачастую не учитывает корреляции глубинных механизмов эволюции города, целенаправленной деятельности и самоорганизации горожан с динамикой сословных отношений¹.

¹ Вадим Садовский, *Система*, in: *Философский словарь*, ред. И. Т. Фролов, изд. 7, Москва: Наука, 2001, с. 513.

Город XVIII в. развивался в русле традиционной культуры доиндустриального общества. Жителями города и владельцами недвижимого имущества были не только мещане, но и шляхта, духовенство. В городах жили представители разных этнических сообществ и этноконфессиональных групп (евреи, караимы, татары). За неизменностью и стабильностью вертикальной социальной структуры скрывалось сложное многоуровневое строение города, состоящее из множества постоянно взаимодействующих, создающих систему многочисленных взаимосвязей элементов (личностей, организаций, групп с присущими им статусами и ролями). Именно социолингвистический и культурологический подход, переводя структуру городского сообщества в абстрактные категории, создает предпосылки для формирования нового качества видения структуры городского социума как совокупности разнообразных социальных групп и систем их взаимоотношений.

Данная статья является попыткой осмысления содержания феномена городской коммуникации Великого княжества Литовского, рассмотрения ее плоскостей и каналов.

Языковая коммуникация

Как было отмечено выше, межкультурная коммуникация города может рассматриваться как система связей и взаимоотношений носителей различных культур, разнообразных этнических и конфессиональных групп, занимавших характерные для них социально-статусные позиции².

Одним из главных компонентов культуры и элементов социально-коммуникативной системы города являлся язык. В отличие от относительно однородной языковой ситуации в сельской местности, в городах Великого княжества Литовского в XVIII в. в сфере неофициального повседневного общения функционировали разные языки: литовский, белорусский, польский, иврит, идиш, северный диалект западнокараимского языка, а также ряд западноевропейских языков³.

Следует подчеркнуть, что по объективным причинам при изучении языковых взаимоотношений в городах XVIII в. мало пригодны такие методы современных социолингвистических исследований, как наблюдение, интервьюирование или опрос. Сохранившиеся письменные памятники в малой степени отражают динамику языковой коммуникационной повседневной жизни, в том числе речевого проведения носителей тех или иных языков.

2 Georg Simmel, *Sociologia*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1975, p. 27; Виктор Зинченко, Валерий Зусман, Зоя Киринозе, Геннадий Рябов, *Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии*, Москва: Флинта, Наука, 2010, с. 70.

3 Leszek Bednarczuk, *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego*, Kraków: Oficyna Wydawnicza EDUKACJA, 1999, p. 117–128.

В рассматриваемый период языки распределялись в соответствии с различными коммуникационными сферами⁴, начиная от упомянутой выше сферы бытового общения и заканчивая институциональном курсом. Например, церковнославянский, латынь, арабский (татары), иврит и даже английский (один из языков кальвинистов в Кейданах) в большинстве случаев обслуживали литургическую сферу, при этом выбор языка зависел от конфессиональной принадлежности коммуникантов. Во время богослужения в христианских храмах звучали польский, литовский и белорусский языки.

Официальным коммуникативным инструментом, как, впрочем, и языком повседневного общения части городского социума в XVIII в., был польский язык. Однако утверждение о том, что языковые контакты в учреждениях (магистрате, его канцелярии, земском и городском судах) ограничивались одним языком, а также, что белорусский или литовский были полностью вытеснены из публичной жизни, можно отнести к разряду упрощений. Несмотря на различия языковой функциональной нагрузки, пространство магистрата и судов являлось зоной польско-белорусских языковых контактов. Анализ источников Гродно, Пинска, Минска и Могилева свидетельствует о функциональном взаимодействии двух контактирующих языков – польского и белорусского⁵. В результате польско-белорусского языкового взаимодействия в городах Великого княжества Литовского сформировался польский этнолект⁶, для которого белорусский язык выполнял роль языка-субстрата. К характерным проявлениям интерференции относятся такие графически зафиксированные фонетические явления, присущие белорусскому произношению, как аканье, у краткое (*Hauryło* (1741))⁷, мягкий *х* (*Eustachi* (1717)⁸, *dachi* (1753), *monarchi*, *Sapiechi* (1775))⁹, протетический *з* (*harmata* (1781))¹⁰, чередование *γ/ż* (*Sapiezie* (*Canese*)).

Результатом столкновения польской письменности с устным белорусским языком стали инновационные формы: *dłużyni* (результат слияния

4 *Словарь социолингвистических терминов*, Москва, 2006, с. 151.

5 Юры Гардзеў, Да пытання аб мове актавых кніг гродзенскага магистрата, in: *Беларускі Гістарычны Агляд*, т. 10, с. 1–2, 2003, с. 121–142; Idem, Гісторыя беларускай мовы ў XVIII ст. (крыніцазнаўчы аспект), in: *Мова – Літаратура – Культура: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (да 80-годдзя прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна)*, Мінск, 16–17 лістапада 2006 года, Мінск, 2007, с. 101–104.

6 Zofia Kurzowa, Język polski na kresach północno-wschodnich, in: *Studia nad polszczyzną kresową*, т. I, red. Janusz Rieger, Waczesław Werenicz, Wrocław, 1982, p. 317–318.

7 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, далее – НГАБ), ф. 1761, воп. 1, спр. 8, арк. 691.

8 Главный архив древних актов в Варшаве (далее – AGAD), Архив Радзивиллов (далее – AP), XVIII 32.4, к. 3.

9 Ягеллонская библиотека, рукопись 6357; Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Литовский государственный исторический архив, далее – LVIA), f. 11, ар. 1, b. 18584.

10 *Gazeta Warszawska*, 1781, p. 39.

бел. *даўжыня* и пол. *dlugość*), *szerzyni* (бел. *шырыня* и пол. *szerokość*)¹¹. На страницах актовых документов встречаются многочисленные белорусские заимствования: *krublak* (бел. кругляк) (1791)¹², *proboj* (бел. прабой) (1752)¹³, *odryna* (бел. адрына) (1752, 1790)¹⁴, *powieć* (бел. павець) (1744)¹⁵, *mogilki*¹⁶ (бел. могілкі), *sumieżny*¹⁷ (бел. сумежны), *bakówka* (бел. бакавы пакой), *krynica*¹⁸ (бел. крыніца), *kaban*¹⁹ (бел. кабан), *szewieckim*²⁰ (бел. шавецкі).

Приведенные выше примеры являются свидетельством проникновения белорусского языка не только в область официального делопроизводства – белорусский язык широко использовался в повседневной жизни города.

В одном из инвентарей гродненского францисканского монастыря за 1775 г. удалось найти список продовольственных запасов с упоминанием следующих продуктов: *komp* (лит. *kumpis*, бел. кумпяк) *szkilondź* (лит. *skilándis*, бел. шкілондзя), *kindziuk* (лит. *kindzukas*, бел. кіндзюк)²¹. Вне всякого сомнения, приведенные примеры являются отражением литовско-польских языковых отношений. При этом, в связи с тем, что данные слова были заимствованы белорусским языком, вопрос характера интерференций остается открытым.

Об интенсивности языковых связей и разнообразии языковой палитры можно судить на основании сохранившихся татарских рукописных памятников, созданных на белорусском и польском языках и записанных арабской графикой. Эта группа источников насыщена арабизмами и туркизмами²². В разговорном троцком диалекте караимского языка и в идише зафиксировано досточно большое число славинизмов и литуанизмов²³. Можно предположить, что языковые контакты, прежде всего, имели место

11 НГАБ, ф. 1889, воп. 1, спр. 13, арк. 42.

12 НГАБ, ф. 1711, воп. 1, спр. 71, арк. 322 адв.

13 AGAD, f. AP, b. XVIII 323, k. 221.

14 Inwentarz kościoła parafialnego franciszkanów grodzieńskich z 1790 r., in: *Inwentarze Konwenty Grodzieńskiego Xięży Franciszkanów*, p. 52.

15 НГАБ, ф. 1761, воп. 1, спр. 6, арк. 318.

16 НГАБ, ф. 1757, воп. 1, спр. 13, арк. 199–199 адв.

17 НГАБ, ф. 1889, воп. 1, спр. 4, арк. 120 адв.

18 НГАБ, ф. 1761, воп. 1, спр. 4, арк. 144об; спр. 5, арк. 162об; спр. 6, арк. 10 адв.

19 LVIA, f. SA, b. 2780, l. 89v.

20 НГАБ, ф. 1757, воп. 1, спр. 13, арк. 230.

21 *Inwentarze Konwenty Grodzieńskiego Xięży Franciszkanów [...] 1775 r.*, p. 9.

22 А. К. Антонович, *Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графо-орфографическая система*, Вильнюс: Вильнюсский гос. университет им. В. Капсукаса, 1968; Галина Мишкинене, Сводный каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар: коллекция Гродненского государственного музея истории религии, in: *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 2001, Nr. 56 (2), p. 93–120; *Klucz do rajy. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku*, przekł. i oprac. H. Jankowski i Cz. Łapicz, Warszawa, 2000, p. 13–19; Leszek Bednarczuk, *Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Millennium Lithuaniae MIX-MMIX*, Kraków: Lexis, 2010, p. 20.

23 Leszek Bednarczuk, *Stosunki...*, p. 119–121.

в городах, но это положение, конечно, требует дополнительного документального подтверждения.

Межкультурное пространство – белорусские и литовские города – были зоной употребления германских и романских языков. Одним из языков функционального многоязычия являлся немецкий язык, отличавшийся разнообразием сфер общения его носителей (от повседневного до профессионального). О распространении немецкого языка в городах свидетельствуют книги виленского цеха каретников и протоколы заседаний виленского цеха седельников и шорников²⁴.

Незнание языков негативно отражалось на процессе межкультурной коммуникации. Интересный пример был зафиксирован в гродненских источниках 1791 г. – жалоба доктора Иоганна Кристиана Нейена (Neuen) на недобросовестность работы извозчика Кросновского. Кросновский в корыстных целях воспользовался слабым знанием доктором польского языка²⁵. Документ раскрывает «культурный шок» и психологический дискомфорт просителя, возникшие по причине неадаптированности И. Нейена к новым культурным условиям²⁶.

Среди европейских языков, выполнявших роль средств коммуникации, следует упомянуть французский язык, на котором в 1781 г. была составлена грамота на основании гродненской масонской ложи *L'Hereuse Delivrance*²⁷. Членами ложи были преимущественно выходцы из Франции, Швейцарии, немецких земель, Италии. Масонами были художник Ян Генрих Мюнтц, архитектор Юзеф Сакко, медик Жан Эмануэль Жильбер, чиновники управленческого аппарата гродненской королевской экономии и городнических мануфактур братья Бекю, Жан Годефруа Вальтер и Захариус Бютнер, Зигфрид Шмидт, поселившийся в Гродно купец Христиан Эрнест Фехнер.

Одним из средств коммуникации городского сообщества являлась книга, что следует, конечно, признать с одной оговоркой – учитывая значительный уровень неграмотности основной массы горожан, речь идет о наиболее образованной прослойке населения²⁸: к числу основных потребителей печатной продукции в городах относились магистратские и судебные чиновники, учителя, врачи, аптекари, архитекторы, часть духовенства и офицеры.

Например, перепись движимого имущества доктора Яна Утрица (Utritz), умершего в 1794 г. в Гродно, свидетельствует, что в библиотеке док-

24 LVIA, f. 1261, ар. 1, б. 1.

25 LVIA, f. 1282, ар. 1, б. 5373, л. 1.

26 Александр П. Садохин, *Введение в теорию межкультурной коммуникации*, Москва: Высшая школа, 2005, с. 137.

27 Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskų bibliotekos Rankraščių skyrius (Рукописный отдел Библиотеки Врублевских Академии наук Литвы, далее – LMAVB RS), F1–378.

28 Maria Barbara Topolska, *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku*, Wrocław: Ossolineum, 1984, p. 285.

тора имелось несколько сотен книг на немецком, латинском, французском языках, календари и гравюры²⁹. Аналогичной языковой палитрой характеризовалось книжное собрание упоминавшегося выше доктора И. К. Нейена³⁰.

Составленный в 1773 г. каталог книг гродненской иезуитской библиотеки содержит информацию о книгах на латинском, польском, греческом, итальянском, французском, немецком языках, а также *libri ruthenici*. Упоминается и издание *Kazania litewskie Mikołaja Daukszy*, каковым, как можно предположить, являлась «Постилла» 1599 г.³¹

Книжные собрания имели непосредственную связь с образовательной сферой, для которой также было характерно языковое разнообразие. При этом в данной сфере следует разграничивать область повседневного общения и форму письменно-печатной коммуникации.

Так, в униатских школах Березвеча и Жирович, монастырской школе в Толочине и конvikте Борисоглебского монастыря в Полоцке в конце XVIII – начале XIX вв. изучались польский, немецкий, французский и церковнославянский (*język słowieński*) языки, последний – как язык богослужения и канонической литературы, в Жировичах также отмечено изучение русского языка. В Березвече ученики занимались «переводами русских книг и скорописей» (*tlumaczenia xiąg ruskich i skoropisów*), т.е., можно предположить, переводами старобелорусских актов текстов. О состоянии преподавания латинского языка свидетельствует лаконическая запись, внесенная в визитацию жировичской школы в 1791 г., об упадке латыни «в провинциальных школах»³².

К числу языковых средств коммуникации следует отнести и прессу. В Гродно, например, газеты можно было приобрести на почте или, как сообщают источники, у некого Фехнера. Известно, что в городе читали газету *Dziennik Handlowy*. В 1784 г. на журнал *Pamiętnik Polityczny i Historyczny* подписались гродненский почтмейстер Вавжинец Соболевский и ректор бывшей иезуитской школы Юзеф Мучинский³³.

К средствам массовой, письменной коммуникации XVIII в. относились универсалы и мемориалы, а также объявления (обращения) поветовых властей, по традиции прибиваемые к дверям костелов.

Для социолингвистической ситуации Великого княжества Литовского характерна тенденция взаимозависимости между коммуникантом и

29 НГАБ, ф. 1761, воп. 1, спр. 16, арк. 323–324.

30 *Ibid.*, л. 27, 32.

31 LVIA, f. SA, 11296, л. 17–44.

32 Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургской библиотеки Института истории РАН, ф. 52, д. 1–238, л. 1–50б; Российский государственный исторический архив, ф. 823, оп. 2, д. 3030, л. 12, 30.

33 *Pamiętnik Polityczny i Historyczny*, т. 3, 1783, р. 339–340; т. 10, 1783, р. 476; т. 1, 1784; Andrzej Kapłon, *Czytelnictwo czasów Oświecenia stanisławowskiego w świetle list prenumeratorów*, in: *Problemy kultury literackiej polskiego Oświecenia*, Wrocław, 1978, р. 61, 63.

используемыми языками. Более высокое положение в иерархии городского сообщества (высшие и зажиточные слои мещанства, чиновники магистрата, местная шляхта) влекло за собой возрастание роли польского языка, символизировавшего принадлежность к определенной социальной группе. В свою очередь, перенесение языковой коммуникации в область неофициальной, нерегламентируемой сферы общения могло способствовать сужению диапазона употребления польского языка, его использованию в ограниченном объеме малоимущей шляхтой, среднезажиточным слоем горожан и городскими низами. При этом расширялся диапазон использования родного языка, т.е. наблюдалась языковая разновекторность.

Таким образом, распределение языков в соответствии с принадлежностью к определенной социальной группе и в зависимости от сферы коммуникации определенным образом напоминает полилингвизм и диглоссию, характеризующиеся сознательным использованием в официально-деловых ситуациях польского языка, и использованием других языков (белорусского, литовского или идиш) в семейно-бытовом обиходе (различные формы индивидуального билингвизма или даже многоязычия) при варианте диглоссии народно-разговорные языки / региональный польский диалект.

Впрочем, необходимо отметить, что языковая картина городов Великого княжества Литовского в XVIII в. представляется довольно сложной. Нельзя исключить и возможности определения анализируемой языковой ситуации как асимметричного билингвизма, для которого характерен разный статус языков.

Говоря о схемах языковых взаимодействий, следует подчеркнуть, что интенсивность данных взаимодействий оказала влияние на формирование определенной формы культурно-языкового сознания, например, когда носитель двух языков в зависимости от коммуникационной ситуации переходил с одного языка на другой. В социолингвистическом пространстве города получили развитие различные виды двуязычия (в частности, этнический билингвизм – переход на язык собеседника в случае межэтнических отношений, культурный билингвизм – широкое использование двух языков представителями одного этноса³⁴).

Межсловная и внутрисловная коммуникация

Во второй половине XVIII в. в Речи Посполитой все чаще и чаще начинает употребляться термин *гражданин*, способствовавший упразднению

34 Нина Мечковская, *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей*, Москва: Издательство Флинта - Издательство Наука, 2001, с. 168, 171.

межсословных барьеров. В документах того времени можно было встретить упоминание *граждан Трокского воеводства* или *граждан комиссаров, граждан купцов* христианского и еврейского происхождения, даже *граждан магаметанской религии*. Однако, несмотря на такой лексический реверанс в сторону идей Просвещения, сословная и конфессиональная категории по-прежнему оставались главными при идентификации городского населения³⁵.

Отношения между представителями разных сословий или даже между представителями одного сословия регламентировались межсословной и внутрисословной дистанцией³⁶, т.е. социальным статусом и ролями участников процесса коммуникации. Можно предположить, что действия горожан определяли не только статусные роли, но и сложившая в обществе ценностно-нормативная система.

Сферы и формы проявления межсословных отношений в городах характеризовались разноплановостью. Сословные «столкновения»³⁷ отмечаются как на экономическом (юрисдикции и торговля шляхты в городе), так и на бытовом уровне. Примеры шляхетско-мещанских конфликтов находим, например, в одном из универсалов гражданско-военной комиссии Гродненского повета. В 1790 г. гродненские поветовые власти издали универсал, регламентировавший ношение мещанками дорогостоящей одежды. Гражданско-военные комиссары так обосновали свое решение: «женский пол, беря пример с высших сословий, роскошью своих нарядов делает бедным дом, мужа и часто приводит к разорению: в конце концов оставляет собственность на раздел кредиторов [...]». Шляхтичи-комиссары предписывали мещанкам как представительницам «низшего сословия» одеваться более скромно, в соответствии со своим сословным положением. В некоторых случаях предусматривалась и конфискация одежды³⁸.

Дополнением к приведенному выше примеру стереотипного восприятия мещан и иллюстрацией имевших место социально-культурных сословных барьеров может служить риторически-саркастическое замечание писателя и публициста Франтишка Салезия Езерского: «Мещанин – является ли он человеком? Мещанин не является полностью человеком, но промежуточным существом между человеком-шляхтичем и нечеловеком-крестьянином»³⁹.

35 Юры Гардзеў, *Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы Чатырохгадовага сойма (1789–1792)*, Смаленск: Інбелкульт, 2014, с. 52.

36 Paweł Rybicki, *Spoleczeństwo miejskie*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, p. 130.

37 О конфликте между индивидом и обществом как форме социальных отношений писал Георг Зиммель, см.: Georg Simmel, *op. cit.*, p. 45–49.

38 *Komissya Porządkowa i Cywilno-Wojkowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r.*, [Grodno, 1790], l. F3.

39 „Mieszczanin, czyli jest człowiekiem? Mieszczanin nie jest zupełnym człowiekiem, ale jest pośredniczem jestestwem między człowiekiem – szlachcicem, a nieczłowiekiem – chłopem”, *Historia doktryn politycznych i prawnych do początku XX wieku. Materiały źródłowe*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003, p. 298–301.

В поле регламентации местных властей находились различные вопросы повседневной жизни города. Так, цитируемый универсал, изданный гродненскими гражданско-военными комиссарами в 1790 г., содержит информацию и о попытках правового регулирования морально-религиозного аспекта жизни города. Комиссары были обеспокоены тем, что в праздничные дни мещане не посещают службу в храмах и, следовательно, не внимают духовным наставлениям.

Горожан и приезжих в выходные дни притягивали питейные заведения. Стремясь скорректировать поведенческие установки и направить их в нужное русло, местные власти приняли решение о том, что все лавки и корчмы в выходные дни во время службы, т.е. с 10 до 12 часов, должны быть закрыты. В случае нарушения распоряжения предусматривалась конфискация интендантом у владельцев лавок товара и комиссии на алкогольные напитки⁴⁰.

Беспокойство комиссаров вызывали и развлечения молодежи шляхетского происхождения. Молодые люди, несмотря на «благородность своего сословия» проводили время в городских корчмах, винных погребах, кофейнях, билиардных и других «неприличных местах»⁴¹. Симпатий комиссаров не вызывала и такая форма массового отдыха социальных городских низов, как купание под мостом на Немане, «где чаще всего молодежь шаловливая, не только непрелично себя ведет, но и, не умея плавать, тонет»⁴². Контроль над досугом молодого поколения был возложен на интенданта.

Проблемы аналогичного плана пытались решить минские поветовые власти, в 1790 г. рассматривавшие многочисленные жалобы горожан на пьянство ремесленников. Видимо, понимая бессмысленность попыток повлиять на ситуацию с помощью нравуочений, власти ввели денежный штраф в размере 4 золотых с ремесленников, замеченных пьяными в будни. Следует отметить, что наказание распространялось и на владельца шинка, продававшего алкогольные напитки⁴³.

Попытки запрещения непристойных развлечений, «опасных» форм отдыха, закрытие питейных заведений в выходные дни не следует рассматривать исключительно как курьезные запреты. Эти меры, скорее всего, свидетельствуют о противоречивости культурного комплекса социума, а также о характерном для властей директивном и императивном стиле,

40 „[...] aby lud w dni świąteczne na targi do miasta zbierający się, przynajmniej przez 2. godziny zostawał na modlitwie, duchownych nauk słuchał i obowiązki religij miał sobie przypominane, a tym czasie nie miał okazji do pijaństwa”, *Komisya Porządkowa i Cywilno-Wojskowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r.*, l. F.

41 *Ibid.*, l. F2–F3.

42 „[...] kompanie się ludzi luźnych i pospólstwa pod samym miastem na brzegu Niemna, w tym miejscu najgłębsze brzegi mającego, gdzie najczęściej młodzież swawola, nie tylko zgorszenia robi, ale też nie umiejąc pływać, tonie”, *Ibid.*, l. E2.

43 НГАБ, ф. 1889, воп. 1, спр. 4, арк. 14406–145.

направленном на интенционально-правовое регулирование действий отдыхающих и упразднение развлечений, воспринимавшихся как нарушение культурных норм. Что не удивительно, поскольку «полицейская власть» в XVIII в. понималась как власть, осуществляющая заботу о благосостоянии общества, что подразумевало вмешательство государства в различные сферы общественной жизни.

Кроме того, универсалы и распоряжения властей следует рассматривать в контексте теории формальных типов подчинения Георга Зиммеля, предполагающей подчинение коммуникантов «объективному принципу»⁴⁴, под которым подразумевалась унификация поведенческой модели горожан путем правового регулирования различных сфер социальных отношений, в данном случае – подчинение коммуникантов традиционной ценностно-нормативной парадигме общества⁴⁵.

Следует отметить, что категории морально-религиозного порядка привлекали к себе пристальное внимание со стороны европейских полицейстов. Например, Николас де ла Мар (Nicolas de La Mare) считал, что одной из задач местных властей является осуществление контроля нравов и обычаев, а также различного рода развлечений, роскоши и проституции. Схожие административно-правовые задачи выделял и Иоганн Юсти, еще один представитель «полицейской науки»⁴⁶: среди объектов полицейской деятельности ученый называет воспитание нравственности, контроль корчем, создание «религиозной полиции» (в обязанности последней входит надзор за деятельностью церкви и поведением прихожан)⁴⁷. То есть, мы можем говорить о том, что административное строительство в Великом княжестве Литовском развивалось в соответствии с развитием европейской полицейстики в русле европейского культурного пространства.

Коммуникационный процесс предусматривает и другие формы социальных связей, например сотрудничество, т.е. взаимодействие на основе опыта. Примеры подобных шляхетско-мещанских совместных действий на институциональном уровне фиксируются в разных поветах и городах в период Четырехлетнего сейма. Например, в Минске в 1791 г. члены местной гражданско-военной комиссии провели проверку финансовой отчетности городского магистрата⁴⁸. Годом раньше, власти Гродненского повета в

44 Georg Simmel, *op. cit.*, p. 186.

45 Piotr Sztompka, *Sociologia. Analiza społeczeństwa*, Kraków: Znak, 2004, p. 72, 433, 464–465; Александр Садохин, *Введение*, с. 84.

46 Современное понятие *полиции* как части аппарата государственного управления, призванной обеспечить безопасность общества, формируется в XIX в.

47 Andrzej Zahorski, *Centralne instytucje policyjne w Polsce w dobie rozbiorów*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959, p. 23–24, 26–27.

48 НГАБ, ф. 1889, воп. 1, спр. 3, арк. 32.406–325.

результате кропотливой работы совместно с «благородным магистратом города Гродно», т.е. войтом, президентом, бурмистром и ратманами, анализировали проблемы города в области строительства и противопожарной безопасности, санитарно-гигиенического состояния, образовательной сферы и нравственности⁴⁹.

Коммуникация в городском пространстве служила если не размыванию сословных границ, то, в значительной мере, «соприкасанию» сословий. Распространенной формой отдыха и развлечений горожан в XVIII в. были редуты и редутки – массовые и демократичные развлечения, участвовать в которых могли представители разных сословий, под масками сохраняя свою анонимность⁵⁰.

Организация редуток была лицензирована. Известно, что в Вильне в 1791 г. специальное разрешение на проведение редуток получил Ян Мюллер (Jan Müller) при условии соблюдения в общественных местах «добропорядочности» и безопасности. Аналогичной лицензией на проведение редутов и содержание клубов владел Юзеф Грушецкий⁵¹. Гродненские гражданско-военные комиссары в 1790 г. отмечали необходимость получения разрешения на организацию «больших редутов», публичных зрелищ и театральных представлений⁵².

Следует обратить внимание на то, что упомянутые выше разрешения как правило не содержат информации о местах проведения костюмированных балов и социальном составе их участников. Подобная информация редко встречается в источниках. Так известно, что в поветовом городе Лида в 1791 г. редуты проводились во дворе Павла Багинского, эконома местного приходского священника. Вход на бал стоил 1 золотый и 15 грошей⁵³. Сопоставление цены билета с ценами на продовольственные продукты наводит на мысль о том, что купить билет мог себе позволить не каждый: фунт⁵⁴ щуки в Минске стоил 20 грошей⁵⁵, фунт говядины высокого качества в Гродно в 1790 г. – 7,5 грошей⁵⁶. Цена гарнца соли в Гродненском повете составляла 24 гроша⁵⁷, гарнца

49 *Komisyya Porządkowa i Cywilno-Wojskowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r.*, l. A1, G3.

50 Zbigniew Kuchowicz, *Obyczaje staropolskie XVII–XVIII wieku*, Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1975, p. 344–345, 375–376.

51 AGAD, f. Archiwum Krolestwa Polskiego, nr 232, l. 63–63v.

52 *Komisyya Porządkowa i Cywilno-Wojskowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r.*, l. F.

53 LVIA, f. SA, b. 6492, l. 99–99v.

54 Фунт – единица веса, равная 374,83 г, малый шинковный гарец составлял 2,8237 литра, см.: Яўген Анішчанка, *Гарнец*, in: *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*, т. 2, с. 488.

55 НГАБ, ф. 1889, воп. 1, спр. 5, арк. 62–63адв.

56 *Uniwersał ustanawiający cenę na produkta w mieście JKMcі Grodnie z 4 maja 1790 r.*, Vilniaus universiteto bibliotekos Retų spaudinių skyrius, Nr. 24728.

57 *Uniwersał determinujący cenę na wiktuały i furazę dostarczyć się mające żołnierzowi w marszu będących z 2 marca 1790 r.*

водки в Вильне в 1787 г. – 3,2 золотого, фунта масла – 24 гроша⁵⁸. Тем не менее, о массовом характере редутов свидетельствует упоминание об охране бала.

Можно предположить, что при выборе мест проведения досуга горожане и жители окрестностей города в значительной степени руководствовались финансовыми соображениями. В универсале комиссии Гродненского повета 1790 г. содержатся данные о том, что владельцы постоянных дворов, трактиров и кафенхаузов проводили «малые редутки» с музыкой. Беспокойство властей в первую очередь вызывал досуг слуг и «люзных» людей, имевших привычку по ночам пьянствовать, пропивать и проигрывать деньги⁵⁹. То есть, данные источников демонстрируют попытки регламентации правовыми средствами форм проведения досуга как высших, так и низших слоев общества.

Сохранившиеся списки учеников позволяют отнести к сфере межсословной коммуникация и область образования. В 70–80-х гг. XVIII в. в двух гродненских католических приходах – Фарного костела Пресвятой Девы Марии и францисканского костела (Девы Марии Ангельской) – работали начальные школы. Приходские школы посещали от двадцати до тридцати детей как шляхетского, так и мещанского сословий. Очевидно, большинство учащихся составляли дети малоимущих шляхтичей, городских ремесленников и торговцев, а также крестьян⁶⁰.

Среднеимущая шляхта и зажиточные мещане посылали детей в более престижную школу Эдукационной комиссии. Здесь учились дети из семей ремесленников, купцов, трактирщиков, магистратских чиновников и местной шляхты: Игнатий Фридрих, Игнатий Галанты, Юзеф Артишевский, Соломон Кес, Ян и Юзеф Роговские, Юзеф Топольский, Ян и Винцентий Постольские, Винцентий Абрамович, Казимир Крейбих, Станислав и Михал Ленкевичы, Ян и Онуфрий Цвикличы, Август Бекю, Антоний, Игнатий и Юзеф Вольмеры, Франтишек Хрептович⁶¹.

Таким образом, анализ источников позволяет проследить взаимосвязь между социальной стратификацией и образованием, т.е. социально-имущественным статусом и возможностью овладения культурно-образовательным капиталом, т.е. приобретения знаний.

58 Targi Prowincji Litewskiej, *Dziennik Handlowy*, 1787, cz. 3, p. 94.

59 *Komisya Porządkowa i Cywilno-Wojkowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r.*, l. F.

60 Teodor Wierzbowski, *Szkoły parafialne w Polsce i na Litwie za czasów Komisji Edukacji Narodowej 1773–1794*, Kraków: Książnica Polska, 1921, p. 18, 74, 79, 103, 207; Irena Szybiak, *Szkolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973, p. 231; Jan Kurczewski, *Biskupstwo Wileńskie: od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa djecezji wileńskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych*, Wilno: nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1912, p. 286.

61 *Protokoły posiedzeń Komisji Edukacji Narodowej 1786–1794*, oprac. Tadeusz Mizia, *Archiwum Dziejów Oświaty*, t. III, Wrocław, 1964, p. 47–48, 163, 255, 420; Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета, F 2 DC 99, л. 4.

О многогранности социального контекста городов, существовании многочисленных конфигураций сфер жизнедеятельности их жителей свидетельствуют братства. Принадлежность к этой формальной группе, характеризовавшейся значительной степенью нормативности, способствовала формированию идентичности жителя города, унификации его поведения⁶². Анализ сохранившихся книг основанного при гродненском фарном костеле католического братства Ангела Хранителя показывает, что членами братства членами были как магистратские чиновники, зажиточные ремесленники и шляхта, так и представители городских низов⁶³. То есть, членами католических братств были люди разных сословий.

Не менее разнообразными сегментами социальной структуры характеризовался состав лож вольных каменщиков. Масоны относились к числу групп, отличавшихся гомогенной идейной эксклюзивностью и специфической интеллектуальной атмосферой. В отличие от церковных братств, объединявших представителей одного вероисповедания, структура масонских лож была с точки зрения данного аспекта была более разнообразна⁶⁴. Например, в состав гродненской ложи *L'Hereuse Delivrance* входили не только местные жители католического и лютеранского вероисповедания, но и выходцы из Франции, Швейцарии, немецких земель, Италии. Пестротой отличался и состав сословный и профессиональный состав лож. Членами лож были представители шляхты, католического духовенства, ремесленники, чиновники административного аппарата королевских мануфактур, купцы, офицеры гродненского гарнизона, преподаватели Кадетского корпуса и Медицинской академии.

Пространственное измерение коммуникации

Изложенный выше материал позволяет выделить пространственную плоскость отношений, в которой проходила повседневная жизнь города. В первую очередь речь идет о публичном пространстве и его материальной форме, т.е. разветвленной сети застроенных улиц, переулков и рынков. Публичное пространство в силу своей общедоступности, открытости и анонимности способствовало более или менее регулярному повседневному взаимодействию горожан, формированию социальных отношений⁶⁵.

62 Paweł Rybicki, *op. cit.*, p. 272; Robert King Merton, *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1982, p. 366; P. Sztompka, *op. cit.*, p. 265, 268.

63 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (далей НГАБ у Гродне), ф. 259, воп. 2, спр. 2, л. 2–9, 14–18, 48, 51.

64 Paweł Rybicki, *op. cit.*, p. 256.

65 Александр Филипов, *Социология пространства*, Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008, с. 94, 96; Олег Паченков, *Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью»*, in: *Новое литературное обозрение*, № 117 (5/2012), <http://www.nlobooks.ru/node/2638>.

Не будет ошибочным мнение о том, что пространство города как место встреч и обмена информации, сделок и перемещения потоков товаров и финансовых средств следует рассматривать не только как определенный физический объект (совокупность объектов), но и воспринимать его в абстрактных категориях как пространство социальное, в чем-то метафорическое, стремящееся избежать физической фиксированности, наполненное знаками, символами и смыслами.

Роль центров общественной жизни конфессиональной общины выполнял приходской храм: Фарный костел в Гродно являлся святыней для католиков правобережного города, и его пространство, заполненное захождениями представителей духовенства, шляхты и зажиточного мещанства, может служить примером межсословных и межэтнических отношений. В Фарном костеле находились склепы разных социальных групп – семейные, братские, цеховые. Согласно данным 1793 г. в костеле располагались алтари братств портных, мясников, рыбаков, столяров и плотников, кузнецов, слесарей, сапожников⁶⁶.

В городах XVIII в. отсутствовали такие места отдыха и встреч как парки и скверы⁶⁷. Местные власти надеялись убедить горожан в необходимости озеленения городского пространства, поскольку парки могли стать пространством развития межличностного общения. Так, гродненские гражданско-военные комиссары в 1790 г. настойчиво рекомендовали жителям города основывать «сады, цветники, посадку плодовых деревьев [...] даже перед домом на улицах», требовали от магистрата озеленить центральную площадь города⁶⁸. Однако попытки властей благоустроить город были не всегда успешны.

Вышеизложенное не означает полного отсутствия мест прогулок, встреч и проведения досуга в городе⁶⁹. Таким местом в рассматриваемый период было кладбище. На территории гродненского фарного кладбища во второй половине XVIII в. находились богодельня, магазины, стоял дом книготорговца, были разбиты огороды⁷⁰. Таким образом, городская Рыночная площадь была важной зоной общения пространственного типа, местом проведения различных религиозных и светских церемоний.

Примером коммуникативного события государственного масштаба может служить празднование выборов монарха. В этом плане показателен 1764 г. 13 сентября жители Гродно собрались на торжественный молебен

66 НГАБ у Гродне, ф. 259, воп. 1, спр. 34, арк. 3–4об; воп. 2, спр. 3.

67 Aleksander Wallis, *Socjologia wielkiego miasta*, Warszawa: PWN, 1967, p. 87–88, 119.

68 *Kommissya Porządkowa i Cywilno-Wojskowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r.*, l. Fz.

69 Aleksander Wallis, *op. cit.*, p. 87; Philippe Ariès, *Człowiek i śmierć*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992, p. 65, 73–75, 78.

70 НГАБ у Гродне, ф. 259, воп. 1, спр. 34, арк. 1адв; LVIA, f. SA, b. 3862, l. 71v.

в Фарном костеле⁷¹. В ноябре в том же костеле было совершено благодарственное богослужение по случаю коронации Станислава Августа. Одним из традиционных элементов торжества, развивавшегося в соответствии с культурой барокко, было возведение триумфальной арки. Президент города Юзеф Бадараки устроил прием в ратуше, здание которой украшали иллюминация и «триумфальные ворота» с королевским гербом. Аналогичным образом был декорирован фасад иезуитского костела. Обязательным элементом празднества были салюты, трижды озарившие небо города под аккомпанемент капеллы и звуки литавров⁷².

13 октября 1764 г. празднование выборов Станислава Августа состоялось в Ковно. Главным элементом этого коммуникационного события стало богослужение в костеле, проходившее в присутствии шляхты, магистрата «со всеми гражданами», цехов и горожан. По случаю праздника были украшены фасады ратуши и храмов, раздавались «веселые в городе плембса восклицания» („wesole w mieście pospólstwa okrzyki”), были организованы многочисленные ужины и «ассамблеи»⁷³.

27 сентября 1764 г. в Слуцке по приказу коменданта Слуцкой крепости, оберст-лейтенанта (т.е. подполковника) Волана⁷⁴ утром с валов замка был произведен пушечный стозалповый салют. После торжественного богослужения в фарном костеле комендант устроил прием для «благородных гостей» («zasnuch gości»), очевидно имеются в виду представители местных шляхетский родов, зажиточные мещане и духовенство, в том числе «птолемаидский епископ» Людвика Риокур (Ludwik Riaucour), отправлявший праздничное богослужение). Вечером жители города могли восхищаться декорацией большого моста и башни замка, искусным фейерверком („feierwek misterny”). Завершением торжеств стали ужин и бал. На следующий день «подобное торжество устроил» комендант слуцкой крепости. На праздник были приглашены «люди князя» (литовского канцлера Михаила Чарторыйского), конюшего Михаила Бжостовского и виленского каштеляна Михаила Массальского⁷⁵. Не вызывает сомнения, что такие мероприятия становились полем многочисленных взаимодействий горожан⁷⁶.

71 *Suplement do Kuriera Warszawskiego*, 1764, nr 79.

72 *Ibid.*, 1764, nr 97.

73 *Ibid.*, 1764, nr 85.

74 Можно предположить, что речь идет о Григории Волане. В 1762 г. Г. Волан служил в звании секунд-майора во втором пехотном регименте Булавы Великого княжества Литовского. В 1765 г. упоминается как подполковник, см.: Mariusz Machynia, Valdas Rakutis, Czesław Szrednicki, *Oficerowie wojska Wielkiego księstwa Litewskiego 1777-1794. Spisy*, Kraków: Księgarnia Akademicka, 1999, p. 360.

75 *Suplement do Kuriera Warszawskiego*, 1764, nr 87.

76 Jakub Pokora, *Obraz Najjaśniejszego Pana Stanisława Augusta (1764-1770). Studium z ikonografii władzy*, Warszawa: Instytut Sztuki Polska Akademia Nauk, 1993, p. 9-10.

Не менее торжественно встречали жители Гродно нового старосту города. Основным местом проведения торжества был Рынок, где старосту приветствовали представители разных слоев населения: магистратские чиновники, члены ремесленных цехов и плебса.

Кроме того, в Гродно существовали традиции организации для войта «колдования» и пасхальной встречи. Согласно данным 1751 г. город израсходовал на упомянутые мероприятия сумму в 80 золотых⁷⁷. Поскольку в то время войтом был польный литовский гетман Михал Юзеф Массальский, можно безошибочно определить конкретную пространственную привязку проведения пасхальной встречи. Дом войта находился на Замковой улице, на полпути между замком и Рынком.

Таким образом, праздники являлись неотъемлемой частью городской нормативной культуры, составляющей которой были коллективные формализованные и стандартизованные практики. Совокупности ритуальных действий была свойственна инерция и повторяемость, а переплетающиеся религиозная и светская традиции были насыщены символическими, нормативно предписанными действиями.

Этнические стереотипы

В процессе коммуникации в городах важную роль играют этнокультурные стереотипы. Следует обратить внимание на различия стереотипов и предрассудков: в то время как стереотипы отражают определенные черты и признаки, свойственные членам той или иной группы, предрассудки, приписывая отрицательные качества представителям других этнических и социальных групп, выражают предвзятое и враждебное отношение к их поведению, культуре и деятельности. И этнические стереотипы и предрассудки являются формами аффективно-оценочной коммуникации⁷⁸.

В источниках XVIII в. зафиксированы проявления характерных для шляхты и мещан этнических стереотипов и предрассудков, связанных с евреями. В 1786 г. на страницах газеты *Dziennik Handlowy* был опубликован ряд статей, содержащих информацию, отражающую рассматриваемые стереотипы и предрассудки. Авторы одной из статей излагали свое видение состояния Минска, утверждая, что в значительной степени причиной бедности христианских жителей города является поведение еврейского населения⁷⁹. В другой статье, ссылаясь на жалобы новогрудских мещан, местный шляхтич подчеркивает, что

77 НГАБ, ф. 1761, воп. 1, спр. 11, арк. 86.

78 Татьяна Грушевицкая, Вячеслав Попков, Александр Садохин, *Основы межкультурной коммуникации*, ред. Александр Садохин, Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2003, с. 100, 178–189.

79 M. Zwarski, J. Derukoff, I. Tarankiewicz, *Opisania stanu miasta Mińska w prowincji Lit. leżącego*, in: *Dziennik Handlowy*, 1786, t. I, d. 9–10, p. 475.

евреи «своими уловками забрав у христиан возможность торговли, а также полезных ремесел, отняли возможность доступа к образованию детей, чему же тогда бедному мещанину учить сына?»⁸⁰. Однозначно негативная и, по большому счету, схематичная оценка еврейской этнической группы представляется результатом социального взаимодействия в экономической области.

Экономическая основа предвзятого восприятия евреев просматривается в большом количестве документов. Так, в книгах минского магистрата упоминается об изданном в 1751 г. Декрете Задворного ассесорского суда. В тексте декрета содержатся утверждения об уклонении евреев от уплаты налогов и городских сборов, оформлении сделок с недвижимостью в синагоге, а не, как это предусмотрено официальной процедурой, в магистрате, игнорировании евреями запрещения торговли и переноса за город пивоварней, несоблюдении строительных правил (что отмечается как причина частых пожаров)⁸¹. В процессе регулирования цен на продукты минские гражданско-военные комиссары в 1790 г. пришли к выводу, что причиной дороговизны на рынке стала скупка евреями рыбы у рыбаков-оптовиков⁸².

Недоброжелательность по отношению к еврейскому населению была свойственна и чиновнику Скарбовой комиссии Людвигу Бекю, усматривавшему причину экономических проблем в стране в характерных, согласно его мнению, для евреев «обманах, подделке товаров и других многочисленных постыдных вещах»⁸³.

Таким образом, возникновение связанных с представлениями о евреях стереотипов в значительной степени было обусловлено экономической составляющей. Согласно психологическому принципу экономии мышления, а также в связи с ограниченными личными контактами евреи считались носителями набора типичных негативных характеристик.

Объясняя причину майского пожара 1792 г. в Гродно, местные власти утверждали, что «больше всего случаев пожаров в том же городе происходит прежде всего из-за неосторожности тех же евреев»⁸⁴. В действительности же, как известно, причиной пожара стало возгорание запасов пороха, хранившихся в еврейском квартале города.

Для стереотипов характерны повторяемость и единообразие, что подтверждает содержание универсала трокских властей от 1791 г. Местные

80 „[...] przez swoje wybiegi odebrawszy chrześcijanom sposób do handlu, jako też i do pożyteczniejszych rzemiosł odebrali sposób do edukacji dzieci, za czym że ubogiego mieszczanina ma uczyć się syn?“, *Dziennik Handlowy*, 1786, т. I, d. 9–10, p. 471.

81 НГАБ, ф. 1816, воп. 1, спр. 20, арк. 105–109адв, 112.

82 НГАБ, ф. 1889, воп. 1, спр. 5, арк. 62–63адв.

83 Ludwik Becu, O pismach i projektach handlowych, in: *Dziennik Handlowy*, 1787, т. II, d. 1–2, p. 51–52.

84 Гродненский государственный историко-археологический музей, КП-15116.

гражданско-военные комиссары отмечали «грабежи, совершаемые евреями, которые арендуют корчмы, мосты, перевозки с вредом для бедных крепостных, к тому же эти евреи, с водкой по приходам перемещаясь, за скромное вознаграждение за более вредный в употреблении [продукт] от крестьян выманивают зерно и другое продовольствие, так основательно, что крестьяне с разогретой напитком головой последнее свое имущество отдают [...] и, не имея хлеба, бедность испытывают [...]»⁸⁵.

Заключение

Коммуникативная среда города, являясь динамичной системой связей и взаимодействий, охватывала сферу знаково-символических сообщений. В силу объективных факторов в литовских и белорусских землях в XVIII в. компонентами социально-коммуникативной системы являлись разные языки. Городские социолингвистические коллективы использовали несколько языков, коррелировавших с определенной сферой общественной жизни. К ним относились, прежде всего, польский, литовский, белорусский языки, а также идиш, караимский, французский, немецкий. Возможно, более правильно в данном случае говорить о множественном культурно-языковом сознании.

Непосредственное влияние на процесс культурной коммуникации в городах оказывала пространственная организация. Имел место процесс формирования пространственной структуры общения и развития пространственной ориентации коммуникации.

В зависимости от социального статуса коммуниканты вступали в формальные отношения или неформальные, личные отношения. Коммуникативный процесс в городах предусматривал различные формы социальных связей: от сословного сотрудничества до шляхетско-мещанских «столкновений». Среди наиболее распространенных форм коммуникации следует отметить братства и масонские ложи, объединенные внутригрупповыми связями, карнавализованные балы-редутки и массовые мероприятия, например, празднование выборов монарха.

Для городского социума были характерны устоявшиеся этнические стереотипы, в частности этнокультурные стереотипные представления о

85 „Praktykowane ze szkodą ubogiego poddaństwa przez Żydów osobliwie karczmy, mосты, przewozy trzymających, zdzierstwa, których to domiarem: ciż Żydzi z wódką po parafiach jeżdżąc, za tę szczupłą ofiarę w bardziej szkodliwą w użyciu od chłopów wyludzają zboże i dalsze wiktuały, tak dalece: że chłopci trunkiem mając zagrzaną głowę ostatek swego majątku oddają [...] nie mając chleba, doświadczają nędzy [...]”, in: *Kommissya Cywilno-Wojskowa i Porządkowa województwa trockiego. Uniwersał względem podatków, raportów ludności, zsyпки, paszportów, miar i wag, tabell po karczmach, przywilejów na mostowe etc. sług i kolendów żydowskich, ochrony budowli i delacji na przestępných z 7 lutego 1791 r.*, AGAD, f. Tak zwana Metryka Litewska, dz. 27, l. 248.

евреях, отражавшие упрощенный и устойчивый образ этой этноконфессиональной группы. Подобные проявления коллективного сознания, в сущности эмоционально окрашенные оценочные суждения, имели негативный оттенок, в связи с чем в текстах подчеркиваются непорядочность, хитрость и оборотистость.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема коммуникационных процессов, имевших место в городах Великого княжества Литовского в XVIII в., заслуживает более глубокого изучения с привлечением междисциплинарного инструментария и широкой источниковой базы.

Источники и литература

- Dziennik Handlowy*, 1786, t. I; 1787, t. II.
Gazeta Warszawska, 1781.
Komisya Porządkowa i Cywilno-Wojskowa powiatu grodzieńskiego z 6 lipca 1790 r. [Grodno, 1790].
Pamiętnik Polityczny i Historyczny, 1783; t. 3, 10; 1784, t. 1.
Protokoły posiedzeń Komisji Edukacji Narodowej 1786–1794, oprac. Tadeusz Mizia, *Archiwum Dziejów Oświaty*, t. III, Wrocław, 1964.
Suplement do Kuriera Warszawskiego, 1764, nr 79, nr 87.
Uniwersał ustanawiający cenę na produkta w mieście JKMc Grodzie z 4 maja 1790 r., [Warszawa, 1790].
- Ariés Philippe, *Człowiek i śmierć*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992.
 Bednarczuk Leszek, *Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Millennium Lithuaniae MIX-MMIX*, Kraków: Lexis, 2010.
 Bednarczuk Leszek, *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego*, Kraków: Oficyna Wydawnicza Edukacja, 1999.
Historia doktryn politycznych i prawnych do początku XX wieku. Materiały źródłowe, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003.
 Kapłon Andrzej, Czytelnicтво czasów Oświecenia Stanisławowskiego w świetle list prenumeratorów, in: *Problemy kultury literackiej polskiego Oświecenia*, red. Teresa Kostkiewiczowa, Warszawa 1978, p. 49–82.
 Kapłon Andrzej, Czytelnicтво czasów Oświecenia stanisławowskiego w świetle list prenumeratorów, in: *Problemy kultury literackiej polskiego Oświecenia*, Wrocław, 1978.
Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku, przekł. i oprac. H. Jankowski i Cz. Łapicz, Warszawa 2000.
 Kuchowicz Zbigniew, *Obyczaje staropolskie XVII–XVIII wieku*, Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1975.
 Kurczewski Jan, *Biskupstwo Wileńskie: od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa djecezji wileńskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych*, Wilno: nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1912.
 Kurzowa Zofia, Język polski na kresach północno-wschodnich, in: *Studia nad polszczyzną kresową*, t. I, red. Janusz Rieger, Władysław Werenicz, Wrocław, 1982, p. 317–318.
 Machynia Mariusz, Rakutis Valdas, Srzednicki Czesław, *Oficerowie wojska Wielkiego księstwa Litewskiego 1777–1794. Spisy*, Kraków: Księgarnia Akademicka, 1999, p. 360.
 Merton Robert King, *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1982.
 Pokora Jakub, *Obraz Najjaśniejszego Pana Stanisława Augusta (1764–1770). Studium z ikonografii władzy*, Warszawa: Instytut Sztuki Polska Akademia Nauk, 1993.
 Rybicki Paweł, *Spoleczeństwo miejskie*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972.
 Simmel Georg, *Socjologia*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1975.

- Sztompka Piotr, *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, Kraków: Znak, 2004.
- Szybiak Irena, *Szkolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.
- Topolska Maria Barbara, *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku*, Wrocław: Ossolineum, 1984.
- Wallis Aleksander, *Socjologia wielkiego miasta*, Warszawa: PWN, 1967.
- Wierzbowski Teodor, *Szkoły parafialne w Polsce i na Litwie za czasów Komisji Edukacji Narodowej 1773–1794*, Kraków: Książnica Polska, 1921.
- Zahorski Andrzej, *Centralne instytucje policyjne w Polsce w dobie rozbiorów*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959.
- Антоневич А. К., *Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система*, Вильнюс: Вильнюсский гос. университет им. В. Капсукаса, 1968.
- Гардзееў Юры, Гісторыя беларускай мовы ў XVIII ст. (крыніцазнаўчы аспект), in: *Мова – Літаратура – Культура: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (да 80-годдзя прафесара Льва Міхайлавіча Шакуна)*, Мінск, 16–17 лістапада 2006 года, Мінск, 2007, с. 101–104.
- Гардзееў Юры, Да пытання аб мове актавых кніг гродзенскага магістрата, in: *Беларускі Гістарычны Агляд*, т. 10, с. 1–2, 2003, с. 121–142.
- Гардзееў Юры, *Цывільна-вайсковыя парадкавыя камісіі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы Чатырохгадовага сойма (1789–1792)*, Смаленск: Інбелкульт, 2014.
- Грушевицкая Татьяна, Попков Вячеслав, Садохин Александр, *Основы межкультурной коммуникации*, ред. Александр Садохин, Москва: Юнити-Дана, 2003.
- Зинченко Виктор, Зусман Валерий, Киринозе Зоя, Рябов Геннадий, *Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии*, Москва: Флинта, Наука, 2010.
- Мечковская Нина, *Общие языкознание. Структурная и социальная типология языков*. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей, Москва: Издательство Флинта – Издательство Наука, 2001.
- Мишкинене Галина, Сводный каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар: коллекция Гродненского государственного музея истории религии, in: *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 2001, Nr. 56 (2), p. 93–120.
- Паченков Олег, Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и „злоупотребление публичность”, in: *Новое литературное обозрение*, № 117 (5/2012).
- Садовский Вадим, *Система*, in: *Философский словарь*, ред. И. Т. Фролов, изд. 7, Москва: Наука, 2001.
- Садохин А.П., *Введение в теорию межкультурной коммуникации*, Москва: Высшая школа, 2005.
- Словарь социолингвистических терминов*, Москва, 2006.
- Филлипов Александр, *Социология пространства*, Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008.

ЮРИЙ ГОРДЕЕВ (Юры Гардзееў, Jerzy Gordziejew) – доктор исторических наук, адъюнкт Института России и Восточной Европы Ягеллонского университета (Краков). Основные направления исследований: история городов, социально-экономическая и культурная история Гродно, реформы местного самоуправления в Великом княжестве Литовском во второй половине XVIII в.

E-mail hardziejew@gmail.com

LIETUVOS DIDŽIOSIOS KUNIGAİKŠTYSTĖS
MIESTŲ KOMUNIKACIJA
XVIII a. (PROBLEMOS IŠKĖLIMAS)

JURIJUS GORDEJEVAS

Jogailaičių universiteto Rusijos ir
Rytų Europos studijų institutas

Straipsnyje pristatomi tam tikri XVIII a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų komunikacijos procesų aspektai. Kalba analizuojama kaip viena pagrindinių to meto miestuose gyvenusių skirtingų etninių ir kalbinių grupių gyventojų komunikacijos priemonių. Pažymima, kad dėl objektyvių veiksnių XVIII a. lietuvių ir baltarusių žemėse socialinės komunikacinės sistemos elementais buvo įvairios kalbos, kurios miestuose koreliavo su tam tikromis viešojo gyvenimo sritimis.

Aptarus kalbines komunikacijos priemones, straipsnyje dėmesys sutelkiamas į vidines luomo ir tarpluomines bendravimo formas. Plačiausiai paplitusiomis komunikacijos formomis laikomos vidiniais grupių ryšiais saistomos brolijos ir masonų ložės, taip pat kaukių baliai ir masinės miesto šventės, tokios kaip karaliaus rinkimų iškilmės, ingresai ir pan. Nagrinėjamas erdvinės bendravimo struktūros formavimo ir viešosios komunikacijos orientavimosi procesas. Viešosios miesto erdvės išryškintos kaip miesto sociumo integraciniai elementai.

Straipsnyje taip pat apžvelgiami ir XVIII a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestams būdingi etniniai stereotipai.

Akcentuodamas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų komunikacijos procesų ištirimo svarbą, autorius atveria kelius galimiems tarpdalykiniais miestų tyrimams.

Reikšminiai žodžiai: visuomenės struktūros, kalbinė komunikacija, daugiakalbystė, miestas.